

Саша Чёрный

Провансальские страницы

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Провансальские страницы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986853

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Каждый раз, когда спускаешься к колодцу мимо радостно-изумрудных косматых лоз за водой, фокс Микки появляется из-за дома и идет за мной по пятам с таким видом, будто он получает за это жалованье...»

Саша Чёрный

Провансальские страницы

Фокс-воришка

Каждый раз, когда спускаешься к колодцу мимо радостно-изумрудных косматых лоз за водой, фокс Микки появляется из-за дома и идет за мной по пятам с таким видом, будто он получает за это жалованье.

Трудно понять собачью душу... Что за охота в жару глотать рыжую пыль, поднимающуюся из-под веревочных подошв человека. На тропинке ничего интересного: вялые муравьи и щербатые, надоедливые камни. Стоило ли выползать из-под тенистого дуба, под которым снятся такие сладкие собачьи сны...

Или он так влюблен в своего хозяина, что, услышав звон ведра, повинуется зову сердца и тянется к моим выгоревшим штанам, как мотыльки к горящей свече? Едва ли. Ведь когда сидишь на краю холма, где со всех сторон обдувает жаркую спину прохлада, его, черта, ты не дозовешься. Сидит в кустах и облизывает, как самый простой собачий сын, коробочку из-под сыра... Какая уж там любовь?

Сегодня я наконец понял, в чем дело. Когда я поравнялся с толстой почтенной смоковницей и обернулся, белая собачья спина исчезла. Я индивидуалист и в чужие дела вмеши-

ваться не люблю. Быть может, собаке захотелось почесаться в тени вырезных виноградных листьев – ведь это гораздо приятнее, чем задирать лапу смычком выше головы на прибитой голой тропинке, с которой блоха опять же на собачью спину не прыгнет...

Но возвращаясь с полным ведром, я остановился: белое пятно застыло в зеленом туннеле под лозой, потом продвинулось дальше. Опять застыло. Густые листья вздрогнули и зашипели. Свиданье? Но второго пятна – ни желтого, ни белого – рядом не было. Странно. Я беззвучно опустил ведро на землю и прокрался ближе. Боже мой! Мой эмигрантский фокс, мой честный интеллигентный пес нагло нарушал добрые провансальские нравы: переходил от лозы к лозе, выбирал самые спелые гроздья и ел чужой виноград...

– Микки! – крикнул я возмущенно. – Что ты делаешь, Микки?! Разве ты хочешь, чтобы я тебя отправил в колонию малолетних преступников?..

Микки вздрогнул и исчез, будто в преисподнюю провалился. Через минуту он появился с другой стороны дорожки из зарослей сухих колючек. Посмотрел на дикую грушу – зевнул, потом на меня: «Ах, вот ты где»... и, прикинувшись невинным простачком, сбил с морды приставший к бороде сухой виноградный лист. Он нагло лгал всей своей позой, невинными детскими глазами, беспечно играющим обрубок хвоста. «В чем дело, хозяин? Я был в колючках по своим маленьким гигиеническим делам... Почему ты поставил

ведро наземь? Тебя наверху давно ждут... Ведь нельзя ставить на огонь пустой чайник. Дай-ка, дай-ка веревку, я потяну, и тебе легче будет нести ведро в гору».

Но я вытаскиваю из зубов Микки веревку, опускаю на камень и со всей строгостью, которую мне удалось из себя выдать, говорю:

– Какой срам, Микки! Ты когда-нибудь видел, чтобы я срывал у дороги чужой виноград или фиги? Или надевал сохнувший на заборе чужой купальный костюм?.. Как ты смел? Разве во время обеда я не отдаю тебе самые сочные ягоды? Ты не собака, ты свинья, и я до самого ужина не буду с тобой разговаривать...

Увы. Должно быть, строгие ноты моего голоса не были убедительны. Микки нехотя переворачивается на спину, нехотя поднимает кверху лапы, – это ему заменяет белый флаг, – и скулит. Но ни тени раскаяния я в его голосе не слышу. За два года совместной жизни мы хорошо научились понимать друг друга, и мне совсем нетрудно перевести его жалобу с собачьего языка на русский.

«Отчего ты такой симпатичный и такой несправедливый? Я ведь один из дому в виноградник не бегаю. Только с тобой. Ты идешь за водой, а я пасусь. Почему сороки клюют виноград? И осы его едят? Почему вчерашняя гостья, от которой пахнет желтыми папиросами, отщипнула самую толстую виноградину, а ты видел и промолчал? И коза сегодня натянула веревку и слопала целую кисть вместе с листьями и букаш-

ками?.. У ферм я никогда не трогаю, прохожу мимо, даже стараюсь не смотреть... А здесь на холме виноград общий. Можно мне перевернуться и стать на лапы?»

Что поделаешь?.. Пусть уж переворачивается. Мы мирно поднимаемся рядом к дому. Когда я отстаю, чтобы хорошенько обсудить отвратительный собачий поступок, Микки останавливается на пригорке и снисходительно меня дожидается, иронически вскинув ухо. Он молчит, но его молчание я научился понимать:

«Иди, иди... Тоже строгий... Даже не шлепнул. Вот я полакомился, к самому мускату пробрался. И ничего ты со мной не поделаешь. Не то что виноград, и утенка слопаю, если он сюда на ничейный холм с фермы приковыляет... Потому что я дикий охотничий фокс, и мне скучно всегда тебя, комнатного человека, слушаться... Понял?»